

В. Коржиков

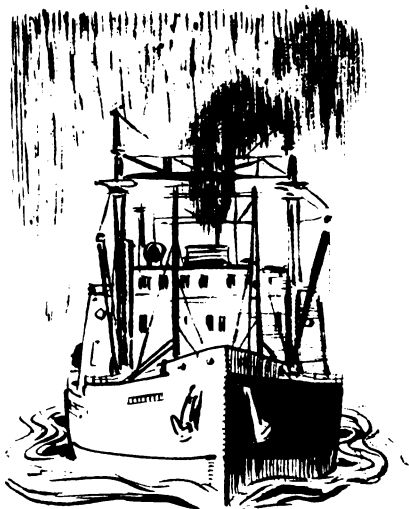
ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ

Детиз
1961

В. Коржиков

ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ

Государственное
Издательство
Детской Литературы
Министерства
Просвещения РСФСР
Москва 1961

В. Т. Коржиков дальневосточный поэт, автор книг стихов для детей «Морской конёк» и «Марки». Матросом он совершил полугодовое плавание на пароходе «Игарка» от Владивостока до крайних полярных станций на Новосибирских островах. В своей новой книге «Первое плавание» Коржиков рассказывает о службе молодого матроса, о его друзьях по экипажу, о полном опасностей и героизма труде комсомольско-молодёжного судна, доставляющего разные грузы на Камчатку и другие места тихоокеанского побережья.

Отзывы о книге просим присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

КАК НЕ РАДОВАТЬСЯ!..

Я стал матросом. Инспектор пароходства вручил мне направление на пароход и сказал:

— Вот, братец, собирай свои вещички — и бегом на «Игарку». Пароходик маленький, зато поплывёшь далеко — в Арктику!

Я обрадовался: первый раз в плавание — и сразу в Арктику! Вот, наверное, и белых медведей увижу, и китов... Схватил я чемодан и пошёл искать «свой» пароход.

Порт во Владивостоке большой. Множество дымков поднимается под сопками из пароходных труб. У причалов позвякивают якорные цепи, скрипят тросы, и кругом мачты, мачты, мачты...

Вон клюёт носом какой-то пароходик. По трапу поднимаются на борт пассажиры, торопятся, машут

платками, обнимаются. А пароходик покачивается, серенький, закопчённый весь, и, кажется, всхлипывает: «Тут и так устал, а меня опять посылают, опять посылают...»

А вон «Азия» — большой теплоход, белый весь. Стоит «Азия» у причала, не покачнётся. Только чуть-чуть озорно поблёскивает стёклами иллюминаторов, будто думает: «А я вон сколько прошла и не устала. И ещё столько же могу, и ещё столько...»

Тут же, недалеко, от берега к берегу по волнам среди солнечных зайчиков бежит буксирный катерок и словно покрикивает: «Ну, скоро вы?»

Жара страшная, июль. Взмок катерок от усердия, вспотел, даже капли повисли на носу, а над рубкой парок расплывается.

Спешу я между ящиками и бочками, перешагиваю через канаты, а сам волнуюсь: «Что-то не видно моей «Игарки». Вдруг без меня ушёл пароход?»

Вон на какое-то судно подъёмный кран опустил целый трактор. За трактором грузовую машину подцепил и туда же.

«Нет, — думаю, — это не мой. Мой маленький, а этот вон какой!»

Дошёл я до конца порта и совсем расстроился: нет моего парохода!

Побрёл обратно. Вернулся к тому месту, где на пароход грузовик ставили. Остановился подождать, пока груз над головой проплывёт, глянул вверх и вдруг вижу: на корме большими белыми буквами написано: «Игарка».

Вот так «малютка»! Подхватил я свой чемодан — и скорее к трапу.

Второпях на грузчика наткнулся. Оглядел он меня с ног до головы, пожал плечами: «Чего, мол, чудак радуется?» — и пошёл себе потихоньку к мешкам с мукой. А я скорее вверх, по трапу.

Как тут не радоваться!..

ПАРОХОД, КАК ХОРОШИЙ МАТРОС

Быстро идёт по океану «Игарка». Только вчера вышли мы из Владивостока, а, говорят, уже к Сахалину подходим.

Взлетают впереди белые клочья пены, рассыпаются брызги, а от них перед носом корабля всё время светится радуга.

Мимо бортов то в одну, то в другую сторону проносятся касатки. Вылетят торпедой из воды, полоснут воздух острым, как нож, кривым плавником и снова ныряют в зелёную океанскую глубину.

Всё на пароходе расставлено по местам. Стальными тросами взят под уздцы грузовик, за гусеницы привязаны тракторы — теперь с места не сдвинутся, как бы ни качало. Даже две огромные самоходные баржи и те никуда не сползут с широких трюмов — так мы их «принайтовали». По-морскому это значит: привязали накрепко. Всё закрепили, а теперь и отдохнуть можно, наверное.

Стал я у борта, облокотился на поручень, смотрю, как проносятся медузы за бортом, толпятся, будто пароход в первый раз увидели. Вдруг слышу голос за спиной. Меня зовут.

Оглянулся я, вижу — Миша Клименко. Он у нас на «Игарке» самый высокий матрос. Рубаха ему еле до пояса достаёт.

— Ты чего стоишь? — спрашивает.

— А что делать?

— А палубу драить кто будет?

— Как это — драить?

— Шваброй.

Поманил меня Миша, довёл до верхней палубы и без разговоров даёт швабру:

— Держи!

Хотел я спросить, что со шваброй делать, а он мне:

— Смотри, как другие работают, и сам так работай. Некогда рассказывать.

Сказал — и давай тереть палубу шваброй. И я с ним. Он швабру в ведро с горячей водой окунёт — и я. Потрём несколько досок, из шланга окатим водой — чисто, свежо! И дальше трём. У меня от работы капельки пота по лбу ползут.

Поработали мы, потом пообедали. Отдохнули. И снова драить. Вымыли палубу начисто, нигде пятнышка не оставили. Тогда Миша позвал ещё одного матроса, Ашанина Анатолия. Забрались они под самое небо, на мачты, и давай их тоже мыть. С палубы только и видно, как руки с тряпками ходят: вверх-вниз, вверх-вниз! Здорово!

Захотелось и мне к ним на мачту, а Клименко перегнулся:

— Отдохни пока! Лучше ты меня подтяни повыше, а то я скоро ногами до палубы достану.

А у самого голова чуть за облака не задевает.

Кончили мы работу, прошлись по палубе — чистота кругом. Пароход белый, светлый. Кажется, будто и

бежать ему стало легче: торопится, так и задирает нос. Даже отражение парохода в воде и то словно повеселело.

Пора и самим выкупаться.

Трёт мне Миша спину мочалкой, будто всё ещё палубу драит, приговаривает:

— Пароход, как хороший матрос, каждое утро умываться должен.

НЕЛЕГКО

А как по-вашему, что ещё делает матрос?

Лежал я вечером в каюте, слушал, как машина под нами шумит. Будто паровоз разгоняется: ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту! Даже стены гудят. Лежу, засыпаю, а сам думаю: «Что будем завтра делать?»

Утром проснулся — тормошит меня кто-то:

— Вставай!

Смотрю: боцман Филиппыч, наш матросский начальник. В замасленной кепочке, в сапогах уже.

— Иди робу получать, на работу пора.

Пошёл я за боцманом. А он по трапам бегом, бегом наверх. Мне непривычно. Синяки на ногах набил. Забрались мы в какое-то помещение на носу парохода, ни окошек там, ни иллюминаторов — вроде большого чулана. «Подшкиперская» называется.

В подшкиперской лампа горит и пахнет пылью. Грудами валенки лежат, фуфайки, ватные брюки в тюках. Вытащил Филиппыч новую рубаху, комбинезон, подал мне. Потом посмотрел на мои ноги, полез в угол и подаёт сапоги — самые большие.

— Получай свои пароходы!

Взял я сапоги. И вправду, как пароходы — с трубами.

Оделся я тут же и сразу себя очень важно почувствовал, по-рабочему. А Филиппыч рукой манит:

— Пойдём!

Пришли к малярке. Тут матросы стоят, ждут. Открыл боцман дверь, и сразу запахло олифой, красками. Даже голова чуть-чуть закружилась. Кругом жестяные банки, бочки в масляных ручейках, в пятнах — красных, зелёных, голубых... Дал нам боцман по кисти, по банке. В банки налил белил.

— Машинное отделение покрасить сегодня! — говорит. — А за старшего у вас Ковалёв будет.

Пошли мы. Ковалёв впереди. Годами он молодой, совсем как я, а по работе старший. Повёл нас старший не в машинное отделение, а наверх, куда потолок машины выходит.

«Зачем это, интересно?» — думаю я. А спрашивать не спрашиваю: не хочу показать, что я ничего ещё не знаю.

Поднялись мы на верхнюю палубу. Отсюда море далеко-далеко видно, только смотреть некогда. Ковалёв командует:

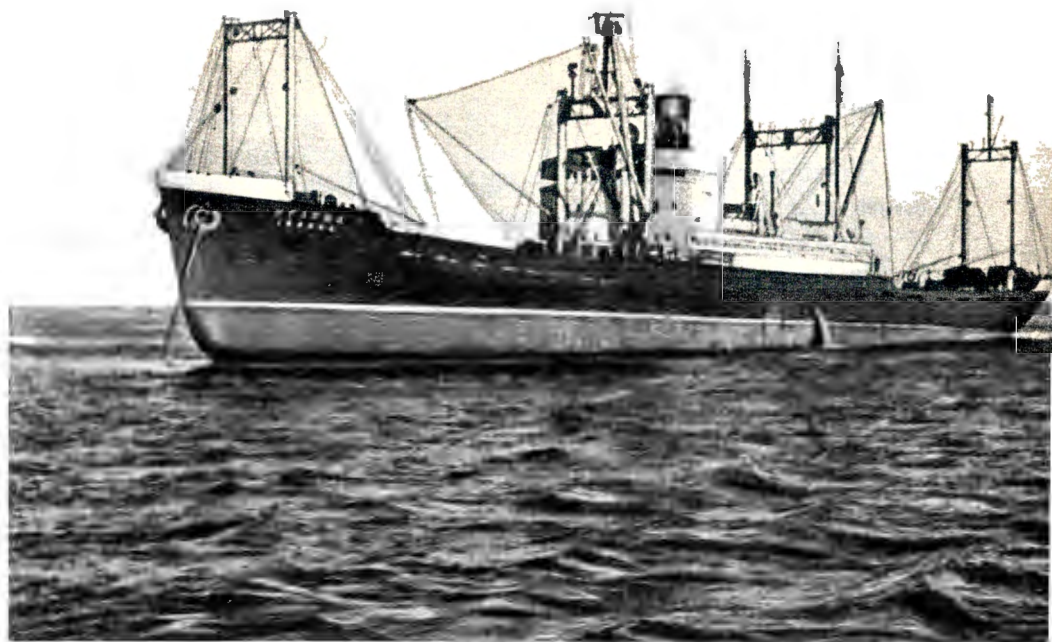
— Подвески давайте!

Принесли мы длинные доски с верёвками — вроде качелей. Открыли окна на крыше машинного отделения. Оттуда сразу жаром пахнуло. Опустили подвески вниз, привязали к разным трубам. Теперь самим спускаться нужно.

Страшновато: пароход идёт, подвески в пустоте качиваются, а внизу всё железное — горячие трубы, краны, рычаги, колёса какие-то.

Ковалёв первым спустился. Вот он прошёл по доске, вот банку с краской к трубе привязал и уже кистью по переборке водит. Полез и я за ним. Спустился на руках, встал на доску и чувствую: колени дрожат. За трубу над головой схватился и сразу бросил — горячая.

«Нет, — думаю, — надо посмелее быть, а то ещё шлёпнешься». Встал потвёрже, банку тоже к трубе привязал, обмакнул кисть и начал горячую трубу красить.

А вот и наша «Игарка».

Краска шипит, пузырится. Дым и гарь в нос и в глаза набиваются. Только успевай слёзы рукавом вытирать. А покрасить везде нужно.

Заработался я так, что и от страха отвык. Только и вижу — кисть бежит. Не заметил, как и время прошло. Слышу голос Ковалёва:

— На отдых!

Поднялся я, прошёл по одной подвеске, перешагнул на другую, а там на трап — и в дверь. Оказывается, не очень страшно.

К вечеру мы работу кончили. Работали дружно, только часто на палубу выскакивали — подышать. И, наверное, целый бак воды выпили.

Машинисты спрашивают:

— А нам каково всё время в такой жаре?
Нелегко!

ТРЕВОГА

Только спустился я в каюту, хотел снять сапоги — звонок, длинный, резкий.

Сразу захлопали двери. Мимо меня наверх по трапу бегут матросы, надевают спасательные пояса. А по радио говорят:

— Внимание, внимание! Объявляется водяная тревога...

Я не дослушал, выхватил из-под койки пробковый пояс, натянул лямки и тоже бегом наверх!

Все торопятся. Вон Миша Клименко волочит огромный брезент; Саня Козак, наш комсомольский секретарь, сам маленький, а мешок на плече большущий тащит. И даже повариха, Дора Ивановна, в белом фартуке, в колпаке, и та какое-то бревно несёт.

«Ну, — думаю, — там уже вода вовсю хлещет».

— На каком трюме пробоина? — спрашиваю.

— На четвёртом...

Заскочил я в подшкиперскую, набрал деревянных клиньев и бегом на корму. Перелез через баржи, пробрался под трактором. А у четвёртого трюма все стоят спокойно, улыбаются. Брезент на палубе лежит, брёвна тут же валяются...

— Что же вы стоите? — кричу. — Пробоина где?

А рядом матрос Казаков, молоденький совсем, сам только-только обплавался, а вредный — смеётся, рыжий нос морщит:

— Без тебя заделали, собирался долго...

Положил я клинья, покраснел: подумают ещё, что испугался. Вон и капитан с мостика на меня смотрит, а кругом все хохочут. Только Гайдаевский, наш корабельный плотник, усы у него, как у Чапаева, положил мне руку на плечо и говорит:

— Ничего тут смешного нет. На то и учебная тревога, чтобы узнал человек что к чему. А будет настоящая... А сам тоже в усы улыбается.

А тут ещё наверху, на рубке, репродуктор засмеялся и голосом нашего радиста, Олега, говорит:

— Внимание, внимание! Объявляется отбой учебной тревоги...

Отошёл я к борту. Чувствую: уши у меня горят, и зло разбирает и на Казакова, и на себя, и на Олега, и на учебную тревогу. А Гайдаевский снова рядом. Присел на трюм, закурил и добродушно так по-украински меня успокаивает:

— И чего сердишься? Ну, посмеялись люди трошки, и всё. Пошли ужинать лучше. Там Дора Ивановна борщу наварила, котлет нажарила...

Стали мы подниматься по трапу, а он говорит тоже спокойно так:

— Ой, уже к камню Опасности подходим. Вон и Япония справа.

Остановился я. Смотрю: утёс высокий, нахмуренный.словно поперёк дороги хотел встать, да поглубже заходить побоялся. А наверху у него маячок поблёскивает, будто смельчак какой-нибудь забрался и сигналы оттуда подаёт. Тут все на палубу высыпали. Разные истории вспоминать стали. Кто-то вместе с пароходом на этом камне сидел когда-то, кто-то тонул здесь... Бывалый народ.

Справа огоньки переливаются вдалеке, и мачты видны. Там японские рыбаки живут. Взял я у помощника капитана, Павла Ивановича, бинокль.

...Шхуны качаются, домики стоят, серенькие такие, бедные. Интересно бы поближе подойти, а то уже плохо видно стало. Вода за бортом чёрная, глубокая. Только морские светляки всплывут, вспыхнут и снова опускаются в глубину.

Так и смотрел бы я до ночи. Но Дора Ивановна из камбуза выглянула:

— Ну, знаешь что, Япония — Японией, а ужин — ужином!

КТО МЕНЯ УЧИТ

На другой день боцман Филиппыч снова привёл меня в малярку, налил мне полную банку зелёной краски и послал красить на палубе подволоку. Так на пароходе потолок называется.

Окунул я кисть поглубже, даже кончики пальцев измазал. Думал: чем больше краски наберёшь, тем лучше.

Провёл по подволку раз, другой, а краска течёт по руке, и оттуда, сверху, прямо мне на голову и на плечи — кап, кап, кап. Руки зелёными стали. Отёр я кисть тряпкой, вытер лицо. Стал присматриваться, как мой сосед, Митя Свежук, работает. Матрос он тоже моло-

Суровы Курильские острова.

дой, а красит здорово, любит это дело. А ещё больше он любит всем советовать — где знает и где не знает. За это ему достаётся иногда: смеются над ним ребята.

Смотрю: работает он, будто и не торопится. Окуёт кисть как следует, потом о край банки отирает её, лишнюю краску сгоняет и красит мягко-мягко, словно кого-то гладит.

И я так попробовал. Получается. На голову не капает, и краска ровнее ложится. Пошло дело быстрее. Подволок так засверкал, что даже море в нём, как в зелёном зеркале, видно стало. Пока левую сторону красили, по потолку какой-то остров проплыл. Скалы на нём огромные, а верхушка вся в снегу. Это Курильские острова начались. Они, словно пароходный дымок, по всему морю растянулись.

А на правый борт перешли, сколько ни красили — только один пароходик у меня через потолок прополз — видно, домой торопился.

Тут и солнце в море село. Долго-долго сиделось. У меня даже шея устала смотреть.

Село солнце, и мы красить кончили. Пошли отдыхать. А Митя вдруг и говорит:

— А у тебя хорошо получается. Ты где так научился?

— У тебя, — говорю.

Митя вдруг покраснел, махнул рукой и говорит:

— Ну вот, опять начал...

Наверное, обиделся: решил, что я тоже над ним смеюсь.

А ведь я серьёзно сказал...

Н О Ч Ь Ю

А пароход всё идёт. По ночам уже стало холодно, и в глубине Охотского моря не вспыхивают больше светляки. Только у нас на мачтах светлячки не гаснут. И в каютах светло и тепло.

Вон в одной каюте какой-то огонёк. Вспыхнет и снова гаснет. Вспыхнул, вспыхнул и снова погас. Это Миша Слесаренко учит азбуку Морзе. Каждый моряк должен знать эту азбуку. В море всякое может случиться. Нужно важную весть суметь передать и на землю и другим кораблям.

Против другой каюты, на стенке, чья-то тень наклонилась над тенью стола и словно что-то пишет. Это Витя Тихонов, тоже матрос, выполняет упражнение по грамматике. Когда придёт домой, ему экзамены в школе сдавать.

В третьей каюте Толик Давыдов на аккордеоне тихо-тихо, чтобы другим не мешать, наигрывает песню про моряков.

В прачечной кто-то шлёпает мокрым бельём о палубу. Наверное, робу стирает: завтра санитарная комиссия ходить будет.

А пароход всё идёт...

КАМЧАТКА

Когда я учился в четвёртом классе, наша учительница, Екатерина Ивановна, иногда говорила кому-нибудь лодырю:

— Ну-ка, марш на камчатку!

Пристыжённый ученик, краснея, волочил через весь класс распахнутый портфель и тихо забивался в угол, на последнюю парту.

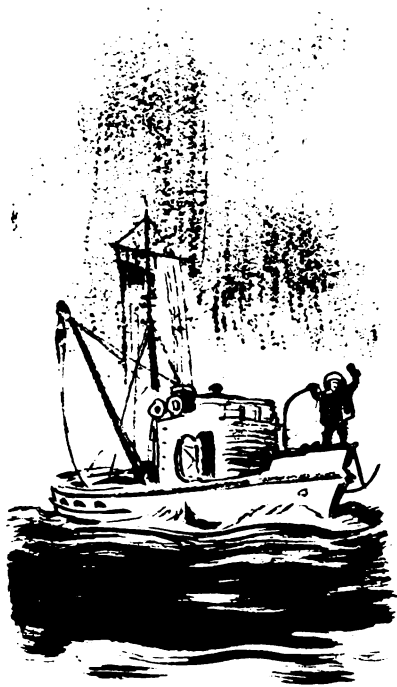
Если там поднималась возня и разговоры, Екатерина Ивановна стучала линейкой по столу:

— Эй, на камчатке! Нельзя ли потише?

Мне тоже пришлось как-то побывать в той стороне, и я хорошо помню все её достопримечательности. На стене висела старая, потрёпанная карта, где экватором была истёртая, подклеенная марлей полоса, а на конце полуострова Камчатка сидел чернильный человечек с портфелем в руке, свесив ноги в Берингово море. Моря вокруг были забрызганы кляксами.

Под картой можно было вздремнуть, посмотреть, как в солнечном луче суетятся пылинки, а когда надоедало — сразиться с соседом в морской бой.

И вот теперь на палубе, слышу, говорят: «Вот и Камчатка уже». Вдали горы синеют. Подплыли мы поближе. Хребты высокие-высокие, облака с ледяных вершин свесились. А внизу море, всё в белых барашках, шумит. Рыболовецкие траулеры у берега цепочкой растянулись, кое-где паруса белеют на солнце, покачиваются, будто кланяются нам. И кругом чайки рыбёшку за рыбёшкой подхватывают. Воздух морской травой и солью пахнет. Капли солоноватого тумана садятся на лицо.

Проходили мы мимо одного траулера, а там рыбак высокий, в брезентовой куртке, выбежал наверх, помахал нам шапкой и на трюм вниз показывает: «Вон сколько наловили!» Рыба у них на палубе подпрыгивает, извивается. Чешуя, как сталь, поблёскивает.

Принялся я веселей за работу и думаю: «Нет, зря Екатерина Ивановна на камчатку лодырей отправляла».

ПЕРВАЯ ВАХТА

Только наступило семь часов вечера, а я заволновался: в восемь у меня начинается вахта. В первый раз рулевым буду, пароход поведу. Поднялся я наверх, в рубку, а вахтенный штурман остановил меня:

— Чего торопишься? Ещё целый час тебе загорать!

Спустился я вниз, по палубе с носа до кормы раз десять прошёлся, к себе в каюту снова заглянул, в столовой постоял. А время только до половины добралось.

Дождлся наконец: без десяти восемь!

Ранним утром в Охотском море.

Подошёл я к рулевому, волнуясь. Он посмотрел на меня, отодвинулся от штурвала и говорит:

— Курс сто шестьдесят сдал!

Положил я руки на рукоятки штурвала и отвечаю:

— Курс сто шестьдесят принял!

Впереди меня компас светящийся. Большой, как медная кастрюля. Сверху чёрточка, как мушка на ружейном стволе, прямо в нос кораблю нацелилась.

А под стеклом круг с цифрами.

Наш курс — сто шестьдесят. Вот я и смотрю, чтобы это число под чёрточкой было. Только круг вильнёт в сторону — и я за ним руль поворачиваю. Круг медленно возвращается к чёрточке. Нельзя отпускать его, иначе и пароход пойдёт в сторону. Ещё в берег врежется или на мель сядет.

А тут туман потянул. Густой, как дымовая завеса. Я заволновался сильнее. Другие, наверное, не волнуются: уже не в первый раз плавать и за штурвалом стоять.

Пришёл наш капитан. Высокий, нахмуренный. Посмотрел на компас, на меня. Курчавую голову нагнул и заходил из угла в угол. Видно, как желваки по скулам бегают. «Ну, — думаю, — наверное, сердится. Уж очень часто виляет стрелка на компасе!»

А капитан на меня больше и не взглянул. Только у вахтенного штурмана спросил что-то и вышел.

Когда передал я штурвал товарищу, подошёл к штурману. Он кивнул вслед капитану:

— Тревожится — в первый раз капитаном в Арктику идёт.

Вздыхнул я и сам себе улыбнулся: я-то думал, что только я один волнуясь.

А штурман снова говорит, задумчиво так:

— Да и старые капитаны, если они хорошие капитаны, тоже беспокоятся. Как-никак, люди на борту!

Так и запомнил я с тех пор: если ты хороший капитан или просто матрос, то волнуешься — рядом люди.

КИТЫ

Вот и Камчатку проплыли. Холодно совсем стало. Нам Филиппыч принёс из подшкиперской тёплые ватники и капюшоны. Говорит:

— Сразу чувствуется, что к Чукотке подходим. Колотун дует такой, что пальцы не разогнёшь. — Потирает Филиппыч руки, ёжится.

Зато в машине теперь хорошо. Миша Эстрин, наш судовой токарь, выскочит на ветер подышать свежим воздухом. Постоит, мокрый от пота, в одной майке, потом нарочно застучит зубами, большой головой в белом берете затрясёт:

— Бр-р-р. Ну и колотун тут у вас! А у нас ничего. Ташкент! — и снова в машину.

Проснулся я как-то, вижу: светло совсем. «Ну, — думаю, — проспал на работу». Оделся поскорее, выскочил на палубу. Слева горы стоят, скалистые, холодные. Ни травинки на них, ни деревца — ничего не растёт. Только лёд наверху мерцает. На воде, внизу, птицы покачиваются, с волны на волну перед пароходом перелетают. А на палубе никого нет.

Наконец из камбуза белый колпак выглянул. Это наш пекарь, Миша.

Вообще-то, он уже не Миша, конечно, а Михаил Иванович. Волосы у него седые, белей колпака. А когда знакомишься с ним, он руку протянет, сам хриплым-хриплым басом говорит: «А я Миша!» Так что по-другому его звать и не станешь. Он у нас раньше всех встаёт и к завтраку подаёт нам свежий хлеб.

Увидел меня Миша, прихватил противень фартуком, в духовку сунул, сдвинул на лоб колпак и стал жаловаться:

— Никак не спится! Как начнётся этот полярный день — так совсем не могу уснуть. Только три часа ночи, во Владивостоке спят все, а тут — на тебе! — солнце всю светит...

Тут я понял, почему никого нет на палубе. Нужно бы досыпать идти, но раздеваться уже не захотелось. Поднялся наверх, в штурманскую рубку, узнать, где мы плывём. А третий помощник капитана, Саша Потапов, спрашивает:

— На китов посмотреть пришёл? Они тут сегодня стадо за стадом прогуливаются.

И правда, недалеко от нас вдруг несколько чёрных спин из воды показалось, выбросили пушистые фонтаны, будто струйки пара над паровозом, и опять в воду ушли. Только пена бурлит сзади.

А один кит подплыл к самому борту, маленьким глазом на нас уставился и даже, кажется, улыбается. Жаль только Миша-пекарь с палубы в это время что-то выбросил.

Взмахнул кит хвостом, обиделся, должно быть, выпустил белый фонтанчик себе на спину и поплыл к своим братьям.

Над морем колотун гудит, барашки поднимаются, а китам хоть бы что — плавают, ныряют...

Нет, не зря я всё-таки сегодня так рано проснулся.

БУХТА ПРОВИДЕНИЯ

Ночью я на китов смотрел, а днём наш пароход уже осторожно входил в бухту Провидения.

Капитан с мостика всё время поглядывал, как бы в скалы не врезаться. Горы здесь высокие собрались, а проход между ними такой тесный, будто они воду сторожат, чтобы не ушла из залива. А сторожить есть что: вода тут такая прозрачная, что видно камни на дне. Лежат и как будто расплываются. Посмотрись любая гора в залив — и всю себя, от подножия до вершины, увидит.

Вошли. Встали в порту. Я собрался на берег и говорю боцману:

— Пойдём, Филиппыч, посмотрим на город.

А он рукавицы снял, махнул ими:

— Чего там не видал? Камень да вода. Ещё белый медведь схватит! И некогда: вот лес погрузят, и отходить будем. Так что и ты недолго!

Сходил я по трапу, глянул вниз, в воду: ботинки сверкают, брюки наглажены, и волна будто кивает: «Можно, порядок!»

Вышел на улицу, смотрю — базар. Сидит старая чукчанка, ноги под себя убрала. А перед ней в чашке куски сырой печёнки и какие-то птицы лежат. Женщина чашку мне протянула:

— Печёнка хочишь? Моржовый.

Я покачал головой:

— Нет.

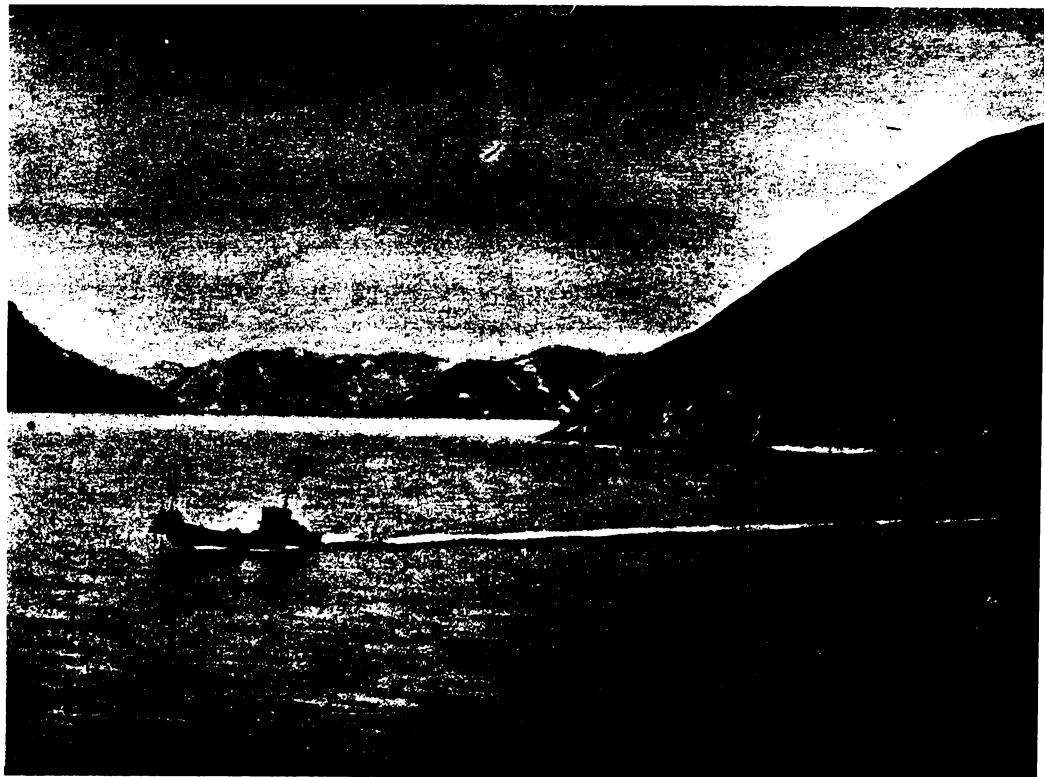
Тогда она чайку подстреленную мне за крыло протянула.

— Нет, — говорю, — у нас чаек не стреляют и не едят.

Чукчанка руками развела и засмеялась:

— Кто не едят, кто едят. Как хочишь.

Повернулся я. Напротив большой дом, аккуратный. Написано: «Магазин». Подождал, пока «Победа»

В бухте Провидения.

проедет мимо, перешёл улицу, открыл дверь. Яблоками запахло. На застеклённом прилавке в вазе красивые плоды лежат. Вон куда забрались!

Купил яблок, а рядом, гляжу, в стеклянных баллонах томатный сок. Совсем как в Москве или во Владивостоке.

Мне даже захотелось самому налить сока.

Удивилась продавщица.

— Пожалуйста, — говорит, — наливайте. Только не полагается без халата, ну, да уж наливайте...

Я открыл краник, нацедил стакан, напился и хотел уходить. А тут бабушка с внучкой бидончик протягивают продавщице:

— Молока два литра, пожалуйста!

— Откуда здесь молоко? — спрашиваю.

Девочка посмотрела на меня удивлённо.

— От коров, — говорит.

— А коровы здесь откуда?

— На пароходах привезли. У нас даже свой совхоз есть...

Хотела она ещё что-то сказать, а бабушка взяла её за руку и повела за собой:

— Всё-то ты знаешь. Всё тебе всем рассказать нужно...

Вышел и я. По улице навстречу мне девушки в чукотских меховых шапках идут, в оленьих шубах расшитых. Одни сворачивают туда, где почта, другие на площадку, к памятнику Ленину. Там матросы в майках в волейбол играют. Хотел и я поиграть, да глянул вниз, на порт. Среди пароходов и наша «Игарка» виднеется. Подъёмный кран уже отошёл от неё — значит, всё погрузили.

Заторопился я. На пароходе встретил Филиппыча, протянул ему кулёк с яблоками. Взял он одно, откусил, вздохнул от удовольствия и спрашивает:

— Ты где это взял?

— Белого медведя встретил, — говорю, — он меня угостил.

АРКТИЧЕСКИЕ КРОКОДИЛЫ

Я часто спрашивал у Гайдаевского:

— А скоро мы каких-нибудь зверей увидим?

Он только поглаживал усы и смеялся:

— И куды ты торопишься поперёд бабки в пекло! Приплывём — побачишь!

Вот вышли мы из бухты Провидения и направились дальше на север, к мысу Дежнева. Ночь наступила. Забрался я на койку под простыню. Лежу, ворочаюсь. Слышно, как машина под нами гудит... Кто-то в деревянных сандалиях из душа идёт, громыхает по

палубе... Никак не спится: ночь-то без темноты. Лучи солнца сквозь закрытый иллюминатор пробиваются, с глаза на глаз перебегают. Высунешь ногу из-под простыни, подставишь под лучик — греет! В каюте и без того жарко, а от лучика тепло по-другому, по-своему, как весной бывает. Весенней свежестью запахло вокруг. За иллюминатором птицы кричат, теплу радуются. И кажется, вот-вот капель начнётся.

Володя Гайдаевский потянулся на койке и даже вздохнул:

— От бы помидор скушать!

Вдруг за бортом что-то зашуршало, зацарапало. Потом как громыхнёт! И снова царапает, будто когтями по железу.

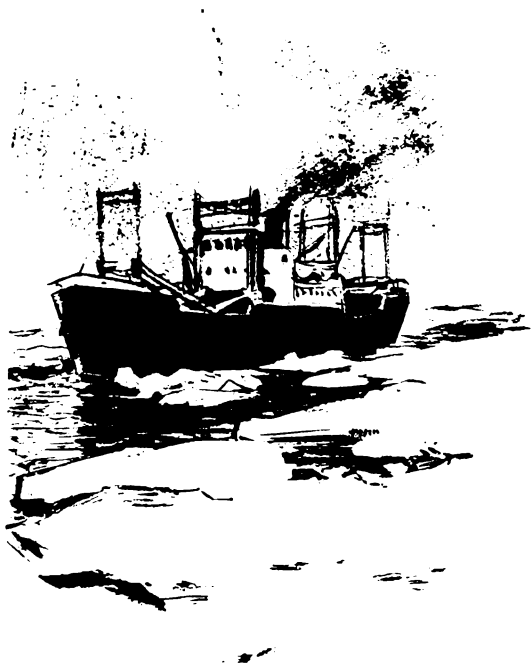
Володя встал, открыл иллюминатор и удивился:

— Ого, дывысь, яки вже крокодилы пишлы!

Я только головой кивнул: мол, ищи дурака сказки слушать! А он посмотрел на меня, улыбнулся:

— Та ты подывысь!

Верить — не поверил я, конечно, а самого любопытство так и подмывает посмотреть. Встал, выглянул в иллюминатор и — что бы вы думали! — из зелёной дымящейся воды громадная льдина настоящую крокодилью пасть на меня раскрыла. А по краям её острые сосульки, как зубы, сверкают. Так и хватают пароход за борт. Оттого и скрежет.

Упорно пробивается караван сквозь льды.

За этой головой ещё тысячи льдин из воды голубоватые хребты и пасти выставляют, — будто и вправду стадо крокодилов на солнце греется. А вон ледяная черепаха на воде рядом с ледяным грибом колышется. Ничего себе грибок — у него под шляпой хороший катер проплывёт. Чайки на него садятся, крыльями машут, хлопают...

— Ну шо, нравится наш зоопарк? — спрашивает Гайдаевский.

— Ещё бы, — говорю. — Только разве это зоопарк? Это целые джунгли ледяные...

— Яки це джунгли. Вот дальше пойдём, то будут джунгли так джунгли. Того и гляди, шоб яка-нибудь арктическая крокодила борт не прогрызла. Ну, давай спать, ложись...

Лёг Володя. Лёг и я. Только спать нам не пришлось...

ЛЕДОКОЛ

Неожиданно радио в каюте откашлялось и объявило:

— Всей палубной команде выйти на швартовку.

Собрались мы на палубе. Кто тросы тянет, кто кранцы деревянные за борт выбрасывает — это подкладки такие, чтобы корабли, когда сойдутся, друг другу борта не помяли. Ждём, когда ледокол «Микоян» приблизится.

С ледокола капитан уже в рупор что-то нам кричит. Наш капитан, Владимир Петрович, тоже рупором на солнце поблёскивает.

— Не слышу, — отвечает.

Тот капитан поставил свой рупор, взял микрофон, и вдруг с ледокола загрохотало, да так, что, кажется, льдины заплясали в воде:

— Здравствуй, Владимир Петрович, буксир готовь, говорю. Буксир готовь!

А буксир — толстый, тяжёлый стальной канат — уже готов, лежит на носу. Один его конец тут, на «Игарке», останется, а за другой ледокол потянет нас сквозь лёд.

«Микоян» подошёл к нам кормой, встал вплотную, так что кранцы затрещали. А там знакомые толпятся, здороваются, кричат:

— Как там во Владивостоке?

Им всё интересно. Три месяца люди не были дома. А боцман ихний встал на корме, машет рукавицей, торопит:

— Эй, на «Игарке», давайте!

Гайдаевский взял буксир за петлю, бросил её на корму ледокола. Слышно было, как она о палубу шмякнулась. «Микоян» натянул буксир и повёл нас на север.

Льдины перед ним в разные стороны разбегаются. А «Игарка» идёт следом, спокойно идёт. За такой спиной никакая льдина не страшна!

А с палубы на палубу вопросы да ответы так и сыплются. Только недолго разговаривали. Вывел нас ледакол на чистую воду, распрощался с нами, а сам снова во льды. Такая уж у него работа!

ЗА РАБОТУ

Вот и Арктика. Светло вокруг, прозрачно. Голубоватые льдины у берега сверкают. С торосов падают капли. Воздух такой чистый, что кажется, неосторожно задень — зазвенит.

Вот мы и догнали весну.

Обогнула «Игарка» мыс Дежнева и стала на якоре возле чукотского селения Нутепельмен. Сняли мы с трюмов брезент, приготовили грузовые сетки.

Вдруг слышу — за бортом застучало. Глянул — это к нам причалила лодка. Сделана она из моржовых шкур. А мотор на ней настоящий, даже дымок бензиновый виден.

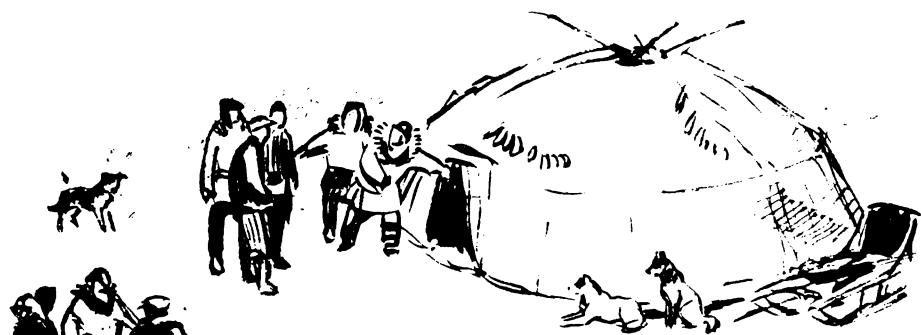
В лодке чукчи стоят в меховых одеждах, руками машут, наверх показывают. Мы спустили им штормтрап — верёвочную лестницу с деревянными ступеньками. Забрались люди на борт. Ловко забрались, как настоящие моряки. Руки всем пожимают, улыбаются, пароход осматривают.

— Хороший у вас вельбот, — говорят, — на такой много моржей положить можно!

Повели гостей в столовую кино показывать. А нам нужно на берег.

Капитан приказал спустить на воду баржу. Нагрузили мы её брёвнами и между льдинами осторожно направились к посёлку.

Только прыгнули на берег — люди к нам бросились. Тоже руки пожимают, приглашают в яранги. А яранги — это дома такие, вроде больших шалашей из шкур.

Поднялись мы на бугорок. Прямо у яранг, в песке, лежат оленьи рога, моржовые клыки белеют, а на краях крыш рыба вялится. Качает её ветром во все стороны. Зашли в ярангу, шкурами пахнет и темно. Собаки в углу ворочаются. Не понравилось мне...

А на пригорке, за маленьким, тихим озерком, стоят новые дома. Я посчитал — семнадцать домиков, белые, чистые. Целая улица. Я подошёл поближе, заглянул в окна — а в домиках ещё и печек нет. К дверям подошёл — нет ступенек.

Так вот куда мы брёвна и кирпич везли! Значит, здесь нас ждут. За работу пора!

ПЕРВЫЙ ТРАКТОР

Скоро и вторая баржа, с трактором на борту, врезалась носом в прибрежную гальку. Вокруг собрался народ. Трубки покуривают, смотрят, головой качают. Никогда ещё трактора не видели.

Только кто же его на берег выведет? В Нутепельмене трактористов ещё нет.

Подошёл тут Володя Гайдаевский к капитану:

— Давайте я выведу. Я же раньше, до армии, трактористом в колхозе работал.

Скинул он ватник, забрался на трактор, включил мотор. Мы тем временем взвалили брёвна на плечи, поднесли к барже, уложили их на край, как мосток, под гусеницы. Гайдаевский рукой махнул — расходитесь! И машина медленно поползла вниз.

Вот трактор на брёвна въехал. Дерево захрустело, прогнулось, а баржа вздрогнула и кормой в воде повела. Вот-вот машина в воду рухнет!

Чукчи даже трубки изо рта вытащили. Так и забыли дым выдохнуть.

А Володя приподнялся на сиденье слегка, разглядел, куда приземлиться, нажал на педаль — и только брёвна сзади трактора подпрыгнули.

У чукчей изо рта разом голубые дымки выпорхнули.

Собачья нарта подъезжает к яранге.

Развернулся трактор, пошёл по песку вправо, влево вперевалку. Пробежался, будто размяться захотел после долгого отдыха, бежит по берегу, а за ним на песке следы от гусениц тянутся.

Чукчи на них показывают, тоже головой покачивают:

— Молодец какой! Железный, а такой красивый узор вышивает!

Вдруг трактор остановился, заворчал недовольно: почти из-под него, лениво отряхивая песок, вылезли две громадные собаки, обошли трактор со всех сторон, обнюхали гусеницы и спокойно улеглись на прежнее место. Решили, наверное: раз медведем не пахнет — значит, и бояться нечего.

— Хай вам грэць! — рассердился Гайдаевский, объехал собак и, заглушив мотор, спрыгнул на песок.

Все стали подходить к трактору, гладить по бокам, заглядывать в кабину. А председатель колхоза — высокий, усатый и тоже в оленьих шкурах — повёл раскосыми глазами, похлопал рукой по радиатору:

— Сильный! Очень хорошо моржей таскать будет!

В НУТЕПЕЛЬМЕНЕ

В Нутепельмене сегодня настоящий праздник. На крышах домов — в расшитых узорами одеждах женщины и дети. Сидят, поджав ноги, и смотрят. Мужчины курят трубки, тоже смотрят. И солнцу интересно посмотреть, как мы работаем, вот оно и не спит вместе с нами день и ночь. Любопытные нерпы подплывают к берегу и, выставив из-за льдин усы, по-собачьи поглядывают: что это делается вокруг?

А делается вот что: со скрежетом наползают на берег гружёные баржи. К борту их, забираясь по груди в воду, подходит вездеход.

Миша Эстрин и Витя Гурец раскачивают на барже мешок с мукой — раз!

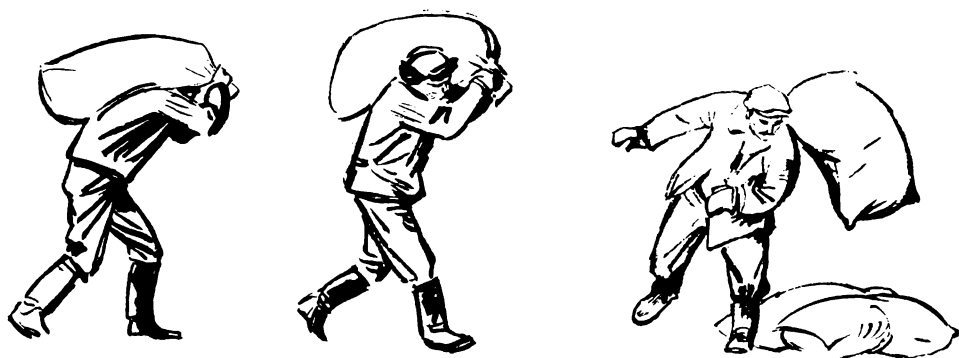
Два! — мы с Мишей Клименко ловим его на вездеходе.

Раз! — новый мешок, с сахаром, мелькает над водой.

Два! — и мы укладываем его на растущую гору груза. Поехали!

Почтальон принёс чукчам письма и журналы.

Вместе с нами на машину забираются наш радист Олег, Витя Гурец и чукотский мальчик Юра. Он будет здесь первым трактористом, а пока привыкает к технике.

Вездеход, подскакивая на буграх, подъезжает к складу. Мы спрыгиваем на землю и друг за другом подставляем спины под груз.

Р-раз! — мешок на спине. Сделав несколько шагов, я толкаю его через голову, и он грузно ложится на гору таких же мешков.

Следом за мной маленький круглый Витя Гурец. Подскочил к этой горе, сам себе крикнул:

— Поберегись, Виктор Фёдорович!

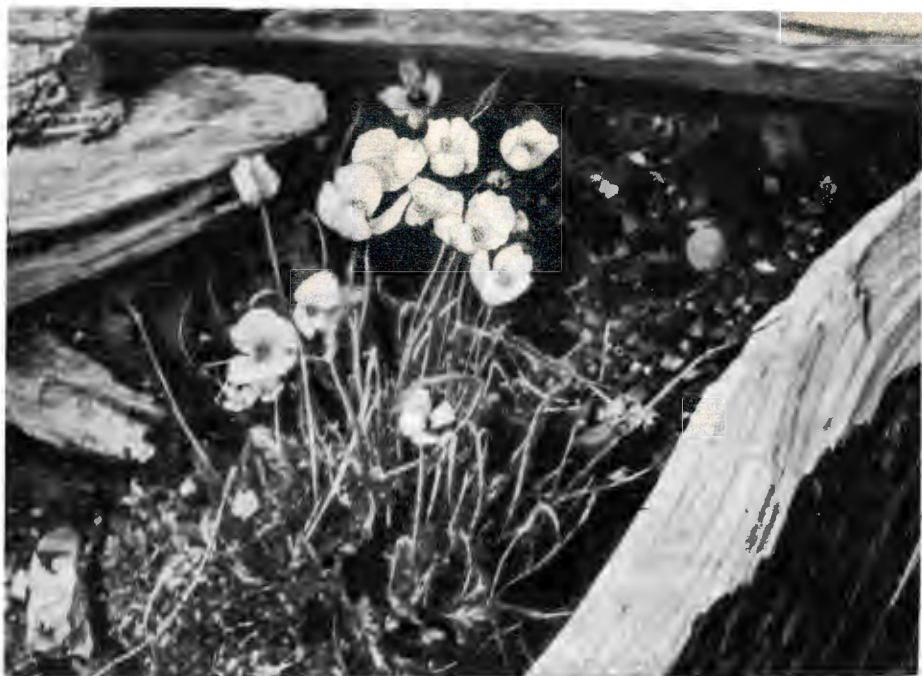
И огромный, восьмидесятикилограммовый мешок, перелетев через его плечи, шлёпнулся прямо на место.

Уже хочется отдохнуть. Но рядом, пошатываясь, пробегает Юра-тракторист. Сбросил свою кухлянку. Из-под мешка еле выглядывает худенькая смуглая спина, а бежит парень — помогает. Вон и Витя скинул телогрейку. Бежит к белому от муки вездеходу и кричит на ходу:

— Ну, повеселее, братцы, повеселее!

Сбросил и я бушлат.

У склада уже целый город вырос. Ящики с консервами, галеты «Поход», дробь, патроны...

Рядом с Северным полюсом.

Вездеходу приходится пробираться по улицам этого города. А баржи всё подходят, всё подвозят новые грузы: охотничьи ружья, муку, сахар...

Чукчи довольны!

Наконец кончилась наша смена. Вышел я за посёлок — посмотреть на тундру. О, тут осторожно! Вот у самого сапога стайка лютиков, жёлтых-жёлтых. Головки выставили и прямо на меня смотрят. А это что за цветы? Ножка тонкая, а цветок из волосков, весь беленький, будто заячий хвостик. Ласково-ласково о сапог трётся. И всё кругом, до самого горизонта, белое и жёлтое, жёлтое и белое. А озёра такие чистые, что ни один камушек, ни одна травинка на дне от глаз не спрячутся, все под солнцем так и светятся. А по берегу кулички-работяги бегают во все стороны.

Стал я над озером и прислушиваюсь. Тихо-тихо вокруг. Только слышно, как руки у меня гудят от усталости...

ЮРА-ТРАКТОРИСТ

Юра от Гайдаевского ни на шаг не отходит. Нужно в трактор воды залить — Юра хватает ведро и бегом к озеру. Только унты по песку шлёпают. Ключ или тряпку подать — Юра тут как тут. А когда мы отдыхаем, он вокруг трактора ходит или сидит, подобрав ноги, и не сводит глаз с Гайдаевского. И стал, как Володя, рукой по усам водить, хоть усы-то у него не скоро вырастут.

Гайдаевский, когда садится на трактор, снимет фуфайку, вдвое аккуратно сложит её и кладёт рядом. Юра и это приметил.

Как-то подходит ко мне, кухлянку свою протягивает и на мой бушлат показывает:

— Давай меняться!

Бушлат у меня грязный, весь в машинном масле, в краске, в муке, и дыры на нём. А кухлянка красивая, чистая — каждый волосок на солнце сверкает, да ещё узор вышит на ней белым мехом, словно льдины гроздятся.

Я очень удивился:

— Что ты?! Зачем?

— Давай! Я на тракториста учиться буду. У хорошего тракториста вон фуфайка есть, — а сам на Гайдаевского смотрит.

Меняться я, конечно, не стал. А фуфайку для Юры мы у боцмана выпросили. Старенькую, правда. Надел её Юра, побежал по ярангам друзьям показывать, а когда сел на трактор, точь-в-точь как Гайдаевский, сложил её вдвое и положил на сиденье.

А когда мы уходили из Нутепельмена, Юра прибежал, оленьи рога мне принёс и моржовый клык. А сам забрался на трактор и рукой долго-долго махал...

Рога я спрятал под койку, а на клыке иглой, как чукчи делают, выцарапал море, моржей на льдинах и вдалеке, на земле, яранги и дома. Как-нибудь будет время — нарисую и трактор; наверное, Юра уже таскает им на берег моржей.

ВИТКА-ЛЕДОКОЛ

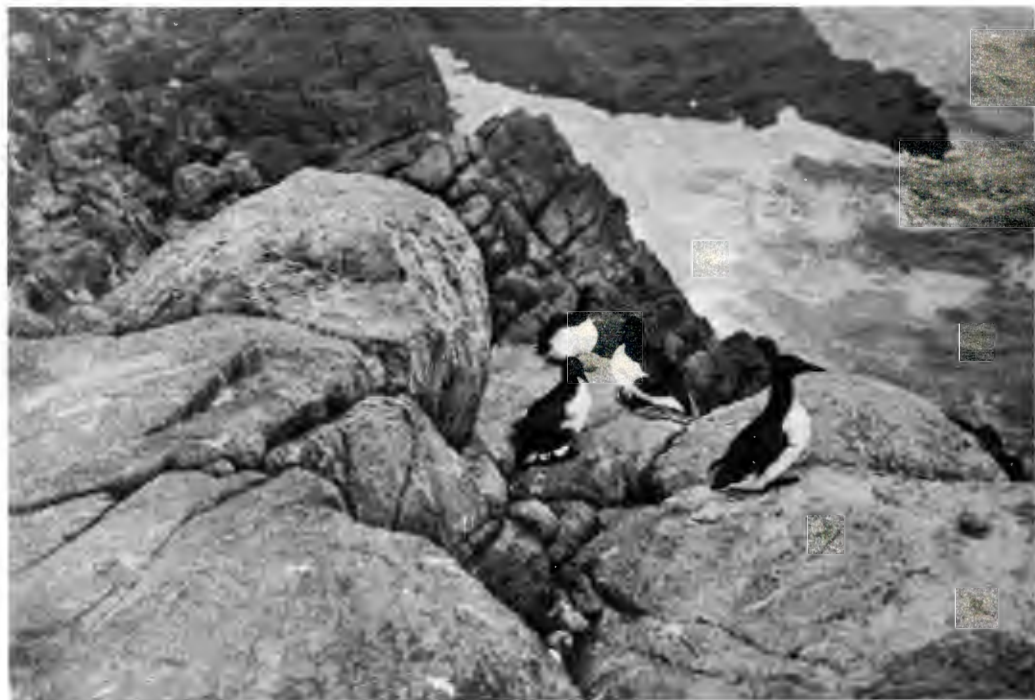
Близко к Ванкарему «Игарка» подойти не смогла. И баржа тоже подошла не сразу. Холодный восточный ветер нагнал к берегу ледяные поля, нагромоздил торосы на торосы. Метрах в тридцати от суши широкий нос нашей баржи упёрся в лёд. Ёжась от холода на ветру, мы стали думать: что делать?

Неожиданно Витя Гурец схватил багор и, шутливо крикнув: «Не поминайте лихом!» — прыгнул через борт на льдину. Белая глыба заколыхалась, наклонилась, вот-вот сбросит его. Он перескочил подальше от края. Льдина качнулась в другую сторону, выпрямилась. Тогда Витя упёрся багром в соседнюю льдину, нажал на неё, и та потихоньку перекечивала в сторону. Витя оттолкнул и другую. Скоро и остальные льдины начали расплываться, согласно покачивая ледяными козырьками.

Интересно было смотреть: маленький человек огромную баржу ведёт сквозь льды. Как ледокол!

Наконец только одна льдина осталась на пути. Упрямо уставилась на нас, стоит, не пускает. Гурец попросил стальной трос, накинул его на льдину, как аркан, проверил, крепко ли зацепил, и скомандовал:

— Задний ход!

Птица ара, из породы гаги.

Баржа отработала назад, трос натянулся — глыба наклонилась вперёд, изо всех сил упирается, не хочет двигаться с места! Но всё равно и она не выдержала: двинулась и громоздко поползла за баржей, распугивая и разгоняя во все стороны ледяную мелочь. Путь свободен!

А Витя уже на берегу собирал хворост для костра и мимоходом трепал за уши лохматых ванкаремских собак.

ТАМ, ГДЕ СПАСАЛИ ЧЕЛЮСКИНЦЕВ

Шумно сейчас в Ванкареме. Одни только сани, на которых мы груз перевозим, сколько грохота поднимают! Сани такие, что на них, на пустых, хоть в футбол гоняй.

Наставим на них ящиков, наложим мешков, запрежём трактор, и плывут наши сани по берегу, как вторая «Игарка». А вместо дыма пар столбом от наших спин поднимается.

Ребятишки из домов выскакивают в унтах, кухлянки нараспашку — просятся к нам.

Гайдаевский охотно всех забирает. Иногда только кричит:

— Носы вытирайте, а то трактор запачкаете!

Здорово через весь посёлок прокатиться! Вот мимо почты проехали: рядом с голубым почтовым ящиком на стене шкура белого медведя сохнет.

Вот дом, большой, деревянный. На одном окне глобус стоит, на другом — зелёный кустик, а на нём помидорчики маленькие, а уже красные. Тут же кактус; лапку колючую поднял кверху и словно на Ледовитый океан замахивается.

Около дома парты стоят. Посмотрел я на них и вспомнил. Когда я учился в школе и сидел за такой же партой, Екатерина Ивановна нам рассказывала, что во льдах Арктики, где метёт жестокая пурга и бродят белые медведи, был раздавлен ледяными полями пароход «Челюскин».

Много недель жили отважные полярники в холодных палатках, грелись у костров. Много недель вокруг громоздились льды, плескалась вода. Под ногами лопались льдины, и каждая трещина могла поглотить горстку храбрецов. Трудно пришлось челюскинцам, но советские лётчики спасли их. Они стали первыми Героями Советского Союза. А жители далёкого чукотского селения Ванкарем за помощь полярникам были премированы зданием для новой школы. И теперь на берегу Ледовитого океана чукотские дети учатся в тёплой, красивой школе.

Я слушал рассказы Екатерины Ивановны и завидовал.

«Вот, — думал я, — если бы и мне так, как эти лю-

ди, работать на Севере. Или хотя бы учиться в этой новой школе...»

Стоп! Пока я вспоминал, уже и приехали. Вот новый клуб строят в Ванкареме. Вон уже раму вставляют, ту самую, которую я принёс.

А наши спутники, ванкаремские ребята, быстро соскочили с саней и бегом к дому, где написано: «Магазин».

Мы много вкусных вещей туда привезли!

КАК ЛУЧШЕ ГРЕТЬСЯ

А как, по-вашему, в Ледовитом океане купаются? Я купался.

Выгружали мы с баржи ветряную электростанцию. На руках выносить её неудобно — длинная очень. Тогда мы сани, как плот, в воду загнали к самому борту баржи. Сани деревянные, не тонут. Перевалили ветряк и стали поудобнее укладывать. Погрузили ещё несколько ящиков с инструментом. Я Гайдаевскому — а он в окошко трактора выглядывал — махнул рукой: «Давай!»

Махнуть-то махнул, а не заметил, что одна доска на краю саней еле держится. Трактор дёрнул — я качнулся, сделал шаг назад, ступил на эту доску и плюх в воду! И доска на меня. Попробовал дно ногами достать — как бы не так! Бушлат намок, сапоги на мне тяжёлые, сразу вниз потянули. И в голове от холода саднит. Открыл я глаза в воде —

надо мною зелёная льдина пляшет. Обнырнул я её, наверх выскочил, вздохнул и поплыл по-собачьему, иначе не получается. Выбрался на берег, стянул сапоги, фуфайку, робу и в одних трусиках бегом по льдинам к костру. Зуб на зуб не попадает. А ветер волосы на голове смораживает.

Кто-то куртку мне дал. Петя, с баржи моторист, — брюки. Оделся я, всё равно не помогает. Забрался на баржу, в машинное отделение, и там холодно.

Вылил я тогда из сапог воду, натянул их, взвалил на плечи мешок и следом за всеми бегом на бугор. Живо согрелся!

А купаться, как видите, и в Ледовитом океане приходится!

МУЖИЧОК С НОГОТОК

К нашему костру часто приходит маленький чукча, тоже Юра. Сапоги на нём большие, а шапка ещё больше. Иногда в раскалённой гальке мы жарим моржовую печень, которую Юра приносит.

Миша Эстрин, наш токарь, громадный парень, посмеивается всегда:

— Что это за шапка да сапоги к нам идут? А... мужичок с ноготок пришёл!

Юра нам помогает, а потом вместе с нами греет над костром руки.

— Юра, послушай, как ты на охоту ходить будешь? Тебя морж проглотит, — не унимается Эстрин.

Я тоже смеюсь, а Юра не обижается, смотрит на нас с усмешкой.

Как-то говорю я ему:

— А моржа здесь можно где-нибудь увидеть?

Юра встал, поманил меня рукой: «Пойдём!»

Вышли мы на другой конец Ванкарема, за поворот. На земле шкуры сохнут, костями к земле приколоты,

точно маленькие огороды с заборами. Вдали чайки кружат над льдинами, а на берегу туши лежат в ряд. Чёрные, блестящие. Громадные клыки вверх задраны. Хорошая была охота!

Когда проходили мимо самого большого, как вельбот, моржа, Юра взял его за клыки, повернул голову — показал дырку от пули.

— Я стрелял! — и повёл дальше.

С тех пор я уже не смеюсь над Юрой, да и Эстрин шутит по-другому:

— Ишь ты, сам такой маленький, а моржа вон какого подстрелил. И как это тебе удалось?

РАДИОГРАММА

Уже десять дней на берегу Чукотского моря, не уга-сая, горит наш костёр. Десять дней, в перерывах между работой, греем мы над огнём красные от холода руки и сушим промокшую тяжёлую одежду. Когда, усталые, мы ложимся на песок, над нами подолгу кружатся и кричат удивительно белые чайки. Рядом сидят громадные лохматые собаки и тоже поглядывают на зелёно-белое ото льдов и ветра море: не идёт ли баржа?

Уже все склады заполнили мы продовольствием. Кажется, весь Ванкарем заложили брёвнами и кирпичом, а разгружать ещё много: «Игарка» глубоко сидит в воде.

Неожиданно капитан получил радиограмму от нашего арктического командования: «В случае задержки вышлем на помощь ледокол «Адмирал Лазарев».

Мы заволновались: столько сделали, а теперь помощи просить? Не надо нам помощи! Сами управимся!

Быстрее забегали наши баржи. Встряхнулись и мы. Только одну разгрузим — подставляй спину около дру-

гой. Получил ящик — бегом наверх! Успевай ноги из гальки вытаскивать.

Жарко стало. Уже все бушлаты кучей лежат на берегу. Бегу я наверх, а у самого чуть спина не трещит. Так бы и сбросил ящик! И сбросил бы, да поглядел на Павла Ивановича — это наш помощник капитана, — он бодро шагает, груз одной рукой поддерживает.

Павел Иванович у нас самый старший по возрасту. Только в Арктике двадцать пять лет плавает. Иду я, согнувшись под грузом, и в уме прикидываю: ему пятьдесят... Получается, вдвое старше меня. Значит, и тяжелее ему вдвое, а то и больше.

Пока прикидывал, уже и ящик свой донёс. Иду назад налегке, не сгибаюсь. Слышу, сзади кто-то идёт, тяжело дышит. Оглянулся — Павел Иванович.

Кончили мы смену. Поплыли к судну. Смотрим: «Игарка» заметно поднялась над водой, словно

В порту Тикси.

выросла. Забрались мы по шторм-трапу на борт, а капитан встречает нас и улыбается:

— Ну вот, теперь можно и ледокол вызывать!

Я заглянул в трюм, аукнул, а там как загрохочет! В пустом трюме всегда грохочет.

„ТОЧКУ НАЙДЁТЕ САМИ!“

Прошли мы Чукотское море, миновали и Восточно-Сибирское. Вода в нём коричневая, как кофе, и чайки там тоже коричневые.

Оставили слева по борту угрюмые, насупившиеся острова Медвежьи, мыс Святой нос и подошли к причалам порта Тикси.

Здесь, в порту, покачивалось множество судов — ледоколы, танкеры, грузовые пароходы. Над ними поднимались высокие подъёмные краны, а внизу шумели улицы. По деревянным тротуарам, между высокими, красивыми домами, торопились люди. Парами, в цветных капюшонах шли на прогулку дети, наверное, из детского сада. Здесь были магазины с блестящими стеклянными витринами, были гостиница и кино-театр...

Но самое главное — здесь было лето. Сопки и воздух наполнились розовым от бесконечного заката светом, и над городом, над каждой сопкой горела своя радуга. Опускалась одна, и сразу взлетала вверх другая. Как будто только что прошли сразу несколько тёплых летних дождей.

По воде плавали ровные коричневые брёвна, и от них пахло густым сосновым лесом. Этот запах принесла сюда широкая сибирская река Лена, которая добралась до самых полярных льдов. Всю ночь из розовой воды выныривали нерпы, подплывали к самому пароходу, и за ними расходились мягкие розовые и фиолетовые полосы.

Отсюда, из Тикси, — мы все это знали — «Игарке» возвращаться домой.

Утром капитан пошёл в управление порта оформлять груз на Владивосток. Но ему сказали:

— Придётся вам сначала сходить к Новосибирским островам. Пароходы из Мурманска второй год не могут туда пробиться. А на острова нужно завезти полярникам продовольствие и топливо.

Владимир Петрович задумался, прошёлся по кабинету и попросил показать, где находится точка выгрузки. Развернули карты. Начали показывать ка-

рандашами один в одно место, другой в другое.

— Здесь!

— Нет, что вы, по-моему, вот здесь.

— Ну нет, товарищи, мне кажется, чуть-чуть повыше.

Владимир Петрович опять прошёлся по кабинету, потом остановился, развёл руками:

— Так идти нельзя. Не могу же я разбить судно или посадить его на мель!

Работники порта стали его уговаривать, а он не соглашался. Но кто-то сказал:

— Ещё неделю назад получили радиограмму: доедаем последние макароны. Продовольствие кончилось...

Тогда капитан спросил:

— А груза много?

— Немного! — обрадовались портовики. — А точ-
ку вы сами найдёте!

Два дня грузили мы продовольствие, тракторы, уголь, бочки с бензином, ящики с патронами для охотников. Погрузились и направились на северо-восток, к холодным Новосибирским островам.

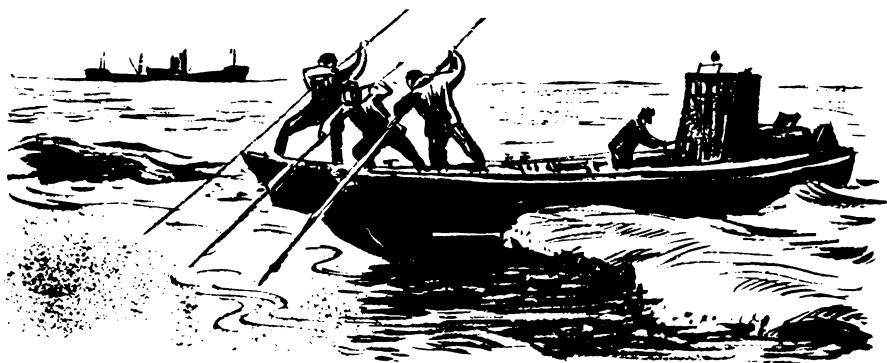
На палубе поставили большой лист фанеры с яркой надписью: «Не курить!» Упадёт куда-нибудь искра — так рванёт, что на самом полюсе от льдин осколки полетят.

КОЛУМБЫ

Дохнуло полюсом. Мы смели с палубы первый морозный снег и заторопились. Скоро сквозь горизонт проросла верхушка какого-то острова. Оказалось, Большой Ляховский.

А не сядем ли на мель, братцы?

Когда подошли, капитан приказал измерить глубину. Пять метров. Дальше двигаться нельзя. Нужно искать место для выгрузки.

Баржу подкидывало на волнах и обдавало брызгами. Гайдаевский и Ашанин стояли на носу и шестами пробовали на ощупь дно. Из-под шестов поднимались коричневые потоки ила и мути.

Хорошо, что не пошли сюда: быть бы «Игарке» на мели. Повернули в море, но тут вдалеке увидели ровный, чистый берег. Там, наверное, и глубина побольше и грунт лучше.

Только подошли — днище заскрежетало о камни. И тут не пристанешь — банка!

Гайдаевский и Ашанин отталкивались баграми, но волны толкали судёнышко всё дальше, на банку, захлёстывали через борта. Я тоже взял шест.

Мотор несколько раз начинал тарахтеть и замолкал. Судно наполнялось грязной ледяной водой. Вода хлупала в сапогах, обдавала робу. На рукавах намёрзли сосульки. Наконец рывками барже удалось оторваться от мели, и мы тронулись на глубину, подальше от этого места.

А волны всё подбрасывали нас, и ветер продувал до костей. Борта обросли коричневым тяжёлым льдом.

Уже к вечеру, обогнув полуостров, мы увидели маленькую красивую бухточку. Вода в ней зелёная, глубокая и необыкновенно тихая.

Осторожно прошли мимо огромной льдины прямо к берегу. Под днищем баржи зашелестел светлый, чистый песок.

Мы соскочили в воду, распугивая серебристые стайки корюшки, и вышли на берег. Под ногами был зелёный бархатный мох, во мху повсюду оленье рога, а между кочками холодные прозрачные ручейки.

Откуда-то пробивался удивительный аромат фиалки. Неожиданно я заметил у себя под ногами фиолетовые нежные цветки. Их было всего несколько на весь остров, но над суровой тундрой, рядом с полюсом, расплывался от них сладкий и почему-то грустный запах.

На самом берегу, чтобы не потерять это место, мы поставили вежу — старое, вынесенное волной корявое дерево, и отправились домой, к «Игарке».

Скоро капитан спрашивал Гайдаевского:

— Ну что, Колумбы, открыли что-нибудь?

Он наносил на карту островов нашу бухточку. А я, хоть с камбуза вкусно пахло борщом и чесноком, свалился на койку, и в глазах долго-долго плясали коричневые волны. Вверх-вниз, вверх-вниз...

ВАЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Разные люди живут в Москве. Одни по-настоящему важные, потому что делают они важные дела. А есть и такие, которые ничего толком-то и не сделали: ни домов не строили, ни пароходов не водили, ни сапог не шили, а кажутся себе очень важными, потому что живут в большом, важном городе. Никто, даже московские соседи, не знают ни их самих, ни их дел. А ходят они так, будто что-то великое совершили и вся земля должна их знать.

Плыл с нами из Тикси молодой радист, москвич Гена. Жил он раньше в Москве, на 4-й Мещанской улице, и оттого, что в городе было много знаменитостей, а одна знаменитость жила даже рядом, Гена чувствовал себя тоже необыкновенно знаменитым.

Он вышагивал по палубе с важным видом, снисходительно похлопывал по спине удивлённых матросов и умно покачивал при разговоре головой. Начнут баржу ремонтировать — он тут как тут, из-за спины мудрые советы даёт. Старший механик Владимир Иванович, он все моря исплавал, во всех странах бывал, рассказывает что-нибудь, Гена, важничая, слушает, а потом замечает: «Это что! Вот у меня на четвёртой Мещанской было!..»

Но никто не обращал на него внимания, а капитан чуть из рубки не прогнал. Отругал нас: «Что это здесь посторонние болтаются!» — и даже не заметил, что это «знаменитый» Гена из Москвы.

Пришли мы к мысу Санникова. Высадили Гену: здесь ему придётся жить и работать. Взял он свои московские чемоданы и, согнувшись, зашагал по песку к полярной станции.

А потом подул ветер, на нас двинулись с грохотом ледяные поля, и мы отошли в море.

Наступила ночь... Куда идут льды? Далеко ли нам уходить, когда можно вернуться?

Неожиданно из радиорубки выскочил взволнованный радист:

— Мыс Санникова говорит! Гена...

Собрались у радиорубки матросы, помощник капитана Павел Иванович, капитан. Аппарат высвистывал: «Лёд отходит, обстановка улучшается. Поле поворачивает на восток!»

Слушали все мы, слушал капитан. И на других судах слушали. Меняли курс пароходы. И не было в это время для нас человека важнее, чем Гена, — радист с мыса Санникова.

ЗВЕЗДА НАД ОСТРОВОМ

Далеко мы забрались. Кажется, встань на льдину повыше — Северный полкус увидишь. И, если бы не льды, плыть до него меньше суток. Всё здесь холодное, ледяное, даже острова; ковырнёшь землю сапогом — там твёрдый, мокрый лёд. Ничего не растёт на нём. Только торчат иногда бивни древних слонов — мамонтов.

Холодно на такой земле жить. Мы здесь, на острове Котельном, уголь выгружали. Много работали, а всё равно холодно. Стоим как-то греем руки у костра. Ночь наступила. Павел Иванович ушанку поплотнее надел и говорит:

— А во Владивостоке тепло, наверное. Сентябрь ещё только начался. И купаются...

А тут ветер как завоет! Снег понесло, темно. «Игарка» из виду пропала. Только ледяные поля кочуют.

Каких только ледяных чуд здесь не встретишь!

И вдруг прямо над нами, в тёмном полярном небе, загорелась звезда. Большая, красная, как на кремлёвских башнях, пятиконечная звезда!

Бросились мы к полярной станции, остановились около мачты, обрадовались, рассматриваем звезду. Начальник услышал шум, вышел из дома, в кухлянку кутается и улыбается:

— Что, понравилось? Это наш радист смастерил. Он у нас москвич.

Отправились мы работать. Совсем про холод забыли. Вышвыриваем лопатами уголь, чёрный, мокрый. А сами нет-нет на звезду поглядываем. Горит!

Высоко-высоко над полюсом пролетит лётчик, посмотрит вниз и улыбнётся. Горит! Полярники едут на собаках по тундре в холодную ночь, увидят звезду — веселей заторопятся. Горит! И мы, моряки, поплывём в полярную ночь сквозь льды, вспомним звезду над островом, и ничего нам не страшно. Горит!

ЧТО КРИЧАЛИ ПОЛЯРНИКИ

Попробовали бы вы железные бочки с бензином из баржи на ледяной берег выкатывать! Тут не зевай, смотри, чтобы тебе голову не отшибли, и сам держись, чтобы других не покалечить.

Стояли мы с Мишей Эстриным внизу, бочки в барже раскатывали. Вдруг сверху крик:

— Полундра, падает!

На нас бочка катится. Хотели мы отскочить, а сзади Витя Гурец на корточках бочку выкатывает. Мы отскочим, а Витю раздавит.

Миша бросился на бочку, я ногу подставил — остановили!

Выскочил Витя Гурец, даже взмок от испуга, за голову схватился — цела ли? А я сел на борт, губы закусил и ногой от боли раскачиваю.

Катится час за часом, катится бочка за бочкой. Над островом второй, железный, остров из бочек вырос. Да и времени немало прошло. Скалы вдалеке, словно три великана, стоят: их снегом припорошило. Под ногами у нас молодой лёд хрустит. И продукты кончаются. Пора домой!

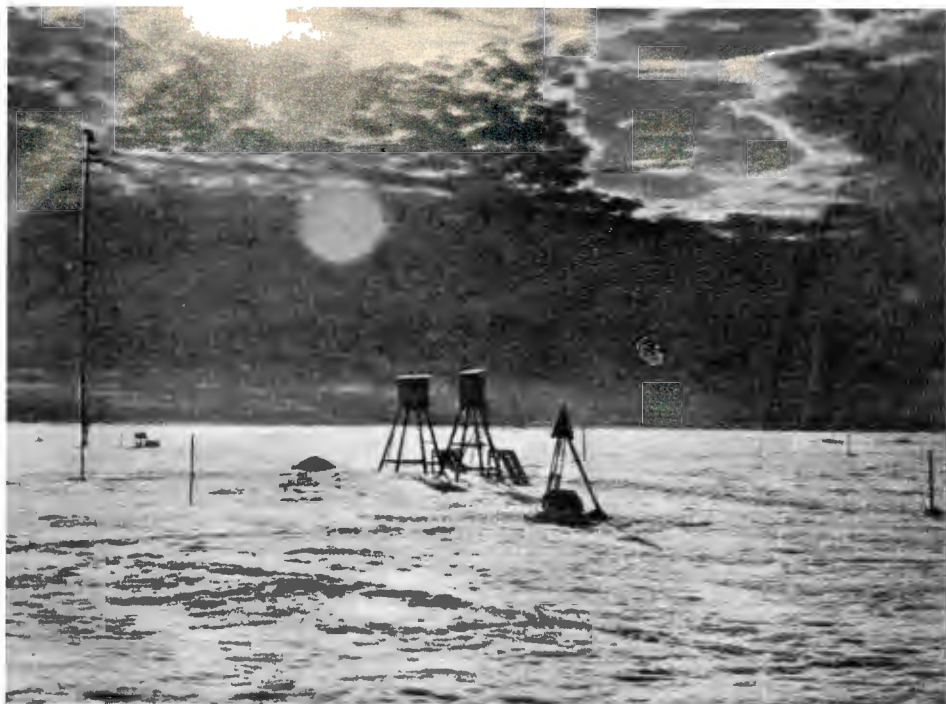
Закончили мы выгрузку, а полярники к нам подошли и спрашивают:

— Значит, на нашу станцию никакого продовольствия не привезли? Плохо. Придётся тогда самолётом вызывать!

А начальник к капитану нашему пошёл.

Вызвал капитан Саню Козака, артельщика, — он у нас продуктами заведует. Спрашивает:

— Сколько у нас чего осталось?

Ветры любопытны, обязательно по пути заглянут сюда, к метеорологам.
А разведчикам погоды только это и нужно!

Вытащил Саня записную книжку, заглянул:

— Макарон килограмм сто, сахару с полсотни, муки, мяса — дней на десять.

Владимир Петрович ладонь ребром на стол опустил:

— Половину отдать полярникам!

Пошёл Саня в кладовую, разделил всё, как положено. Только молча, хмуро. А начальник полярной станции стоит рядом, переминается — неловко себя чувствует и думает, наверное, что Саня жадничает: он у нас всё до грамма взвешивает и молчит всегда при этом.

А Саня всё аккуратно отвесил, потом вспомнил что-то, пошёл в другую кладовую. Вернулся с ящиком на спине:

— Вот, печенье возьмите, — говорит, — я забыл сказать капитану...

Уже «Игарка» начала раздвигать носом льды, когда вдруг в стороне острова одна за другой взлетели в небо три зелёные ракеты, и мы увидели домик полярной станции, заснеженный берег и на льдине нескольких человек. Они долго-долго что-то кричали нам вслед и махали шапками. А что кричали, мы так и не услышали.

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Пришли в Тикси. На этот раз тут гудел ветер, и в темноте на заснеженных сопках раскачивались огоньки. По рубке в наброшенном на плечи кителе ходил капитан, вглядываясь в ночь. Шторм остановил погрузку. Где-то в бухте блуждала наша баржа, и на ней двое людей — старшина и моторист.

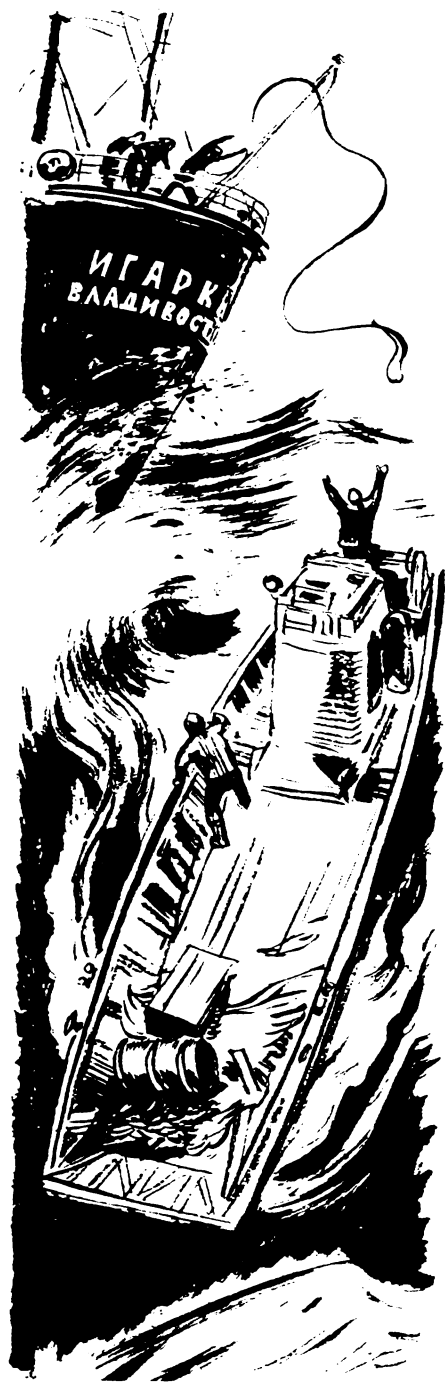
В рубке было темно. Только компас мерцал фосфорическим светом. Из угла в угол перекачивался оброшенный кем-то карандаш.

Впереди огромные волны с шумом забирались под маленькую зверобойную шхуну, и огни судёнышка то оказывались высоко-высоко, среди звёзд, то проваливались и горели под нами, в глубине, как светлячки. Неожиданно ветер ударил о стекло какую-то заблудившуюся птицу. Взмахнув крыльями, она упала за борт.

Вахтенный штурман измерил силу ветра — 10 баллов!

А баржи всё не было. Капитан устало поёжился и пошёл в свою каюту. Он уже несколько ночей не спал и сейчас старался уснуть, но то и дело выходил, едва натянув ботинки и накинув китель.

А баржа блуждала среди поднимавшихся, как сопки, волн. Замёрзший, весь мокрый старшина Федоренко смотрел на волны и думал: «Ещё раз зачерпнём носом, и всё!»

С гребня волны старшие были видны огни «Игарки». Но прямо подойти к пароходу нельзя: волна разбила бы баржу о борт. Федоренко обошёл корму судна и увидел летящий с палубы парохода конец. Он распахнул дверь рубки и выскочил. Но тяжёлая волна подтолкнула баржу вперёд, и верёвка пролетела мимо. Пришлось сделать новый круг. Подошли. Тяжёлый, мокрый конец снова полетел вниз. Федоренко схватил его и стал подтягиваться. На помощь выскочил Горюнов, молоденький моторист. Обвязав концом рубку баржи, Федоренко подождал, пока Горюнов вскарабкается по штурмтрапу, потом сам взобрался на борт и, устало двигая ногами, пошёл к кубрику.

Ветер загудел протяжнее, понёс над водой хлопья снега. Баржа с грохотом прыгала на волнах, всё глубже и глубже садилась в воду. Затрещал конец...

Матрос Анатолий Давыдов обвязался канатом и, взяв стальной трос, прыгнул на рубку баржи. Но рубка неожиданно ушла

из-под ног, провалилась вместе с волной, и Давыдов повис в воздухе. Вокруг гудела темнота, и только в луче прожектора летали, догоняя друг друга, снежинки. Но вот в луч снова попала крыша рубки.

Анатолий оттолкнулся от борта и прыгнул прямо на неё. По палубе баржи гуляла вода. Анатолий вошёл прямо в воду и стал прикреплять стальной трос к борту. Трос резал руки, качало. Мокрая куртка уже покрылась коркой льда, а Давыдов всё привязывал трос.

Только закрепил — с «Игарки» пустую бочку спускают:

— Вяжи к рубке!

Анатолий подул на руки, потряс ими, чтобы разогреть, и стал привязывать бочку. Баржа затонет, бочка, как поплавок, всплывёт. Искать легче.

К утру шторм утих, вышло солнце. Вокруг пахло талым снегом и мокрыми брёвнами. На воде покачивались льдинки, прыгали солнечные зайчики. Но ни баржи, ни бочки нигде не было.

ВОДОЛАЗЫ

Водолазов я увидел впервые. Они подплыли к нам на деревянной барже, посреди которой стоял деревянный домик. Нас послали им помогать.

Вода в бухте была мутная, коричневая, и я спросил у высокого рыжего мужчины, стоявшего возле домика:

— А как же искать нашу баржу будут?

Он внимательно посмотрел вниз, словно глазами пощупал дно, и кивнул головой:

— Попробуем, поищем...

Потом он нагнулся и шагнул через порог в домик. Там горела печка-чугунка, а в углу, покачиваясь на

вешалках, растопыбив руки, висели резиновые великаны. Их медные, круглые головы стояли у ног.

Рыжий мужчина сел на табурет, стянул сапоги, надел мягкие валенки, шерстяной свитер и вязаную шапку. Он подошёл к резиновым великанам, снял одного из них и стал в него залезать. Вот он влез в ноги, вот весь забрался, просунул руки в рукава.

— Теперь ботинки давай! — Он показал мне под лавку.

Вытащил я ботинки. Носы у них медные, сверкают. Такие ботинки носить силёнка нужна! Надел я их мужчине, а он командует:

— Грузила давай!

Взял я под лавкой свинцовые грузила, ещё тяжелее ботинок, подвязал к подошвам. Миша Клименко голову медную ему привинтил. Вот и настоящий водолаз получился. Прошёлся он по палубе — баржа закачалась.

Начал водолаз по лесенке в воду спускаться, а другой, поменьше ростом, рукой нам махнул:

— Давайте воздух!

Мы стали крутить рукоятку помпы. Помпа — это такой насос. Слышим: в резиновых трубках у ног зашуршало. Значит, воздух по ним пошёл. Крутили мы долго, даже в ушах зашумело, а не бросишь: человеку внизу, под водой, воздух нужен.

Сменили нас. Вышел я на палубу, огляделся — солнце сверкает на воде, снег на сопках искрится. Даже буквы на борту нашей «Игарки» как-то по-особенному светятся. А я всё стою и слушаю: волнуясь, идёт ли воздух.

Вдруг под боком телефон зазвенел. Водолаз, тот самый, что остался на барже, взял трубку, послушал и говорит:

— Пятна, масляные? Есть. Метрах в пяти. Левее иди! Не видно? Дно грязное?

Я посмотрел влево: там масляные пятна по воде

Опять в порту Тикси.

расползаются, радугой отливают. А наверх всё новые и новые выныривают. Так это же бензин из нашей баржи! Я как закричу на «Игарку»:

— Нашли!

А водолаз закурил и головой покачал:

— Найти-то не штука, вот поднять — это дело!

Тут вода забурлила, водолаз показался, поднялся по лесенке. На шлем показывает, у стекла вертит рукой.

Отвинтили мы стекло на шлеме, а он говорит:

— Плохо дело, вся баржа в грязь зарылась, и зацепить не за что.

На «Игарке» старший помощник капитана стоял. Он перегнулся через борт, кричит:

— За рубку цепляйте!

Взял водолаз стальной трос резиновой рукавицей и

снова в воду ушёл. На пароходе лебёдки заработали, тросы заскрипели, все у борта столпились, с волнением ждут. Начали поднимать баржу, дёрнули неосторожно — только одна железная дверь в петле наверх выскочила.

Капитан сказал:

— Подкапываться под баржу придётся, снизу подводить концы.

Второй водолаз, тот, что поменьше, спустился на дно, а высокий ему по телефону что-то подсказывать стал. Что — я не слышал. Мы опять воздух подавали. Долго качали.

Потом водолаз поднялся и говорит:

— Не получается...

Тут Петя Федоренко, старшина баржи, вмешался.

— А что, если в горловину бревно всунуть, а за бревно трос зацепить?

Горловина — это отверстие в палубе. Решили попробовать.

Водолаз опять полез в воду, а бревно никак нырять не хочет! Наконец с грузом утопили его. Пока там внизу пропихнули его в горловину и закрепили трос, вечер уже наступил.

Маленький водолаз вылез и говорит:

— Ну что, хватит на сегодня? Завтра поднимем?

А высокий снова надел водолазный костюм:

— Нет, — вздохнул, — люди тоже устали. Смотри, как дышат, хоть воздух им подавай. И домой им пора.

А мы и вправду устали. Уже и руки и спина от этой помпы ноют, а на завтра откладывать не хочется.

Целый час, наверное, не поднимался водолаз, а потом вылез из воды.

— Подымайте, — говорит, — понемногу, — и стал снимать свой костюм.

С борта подтянули баржу кверху. В ней грязи полно. Забрались мы туда, стали вёдрами и лопатами

ил вычерпывать. А баржа качается, дрожит, вот-вот сорвётся.

Уже поздняя ночь наступила. Разогнёшься на минутку отдохнуть и видишь, как у сапог, в жидкой грязи, звёзды отражаются.

Наконец окатили баржу водой из шланга и потянули наверх. Вытащили, смотрим: обрывок стального троса на ней, того, который вчера Давыдов закрепил. Не развязался!

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

А над Арктикой уже разливалось Полярное сияние. Прозрачной, как кисея, мерцающей лентой оно поднималось из-за тундры, изгибалось тысячами разноцветных волокон, повисало над самой нашей головой и уходило к полюсу.

«Игарка» стояла у мыса Шмидта. Палуба её покрылась густым ворсистым инеем, а на поручни и тросы намёрз тяжёлый лёд. А у бортов, под прожектором, в зелёной, густой от мороза воде, словно огромные листья кувшинок, колыхались молодые льдины.

Мы скручивали стальными тросами вязанки огромных брёвен и сбрасывали их в воду. От скалистого берега к нам то и дело подходили маленькие обледеневшие катера. Из

них в клубах пара выскакивали полярники, прыгали на скользкие брёвна и, нанизав несколько вязанок на один буксирный конец, крепили его на катере. Катерок весь тужился, пыхтел, по-геройски задира́л нос вверх и, погудев себе самому для бодрости, скрывался в темноте.

А на смену ему подходил новый, такой же обмёрзший, вздрагивающий от холода, и так же задира́л нос. Из него снова выскакивали люди, прыгали на скользкие, мокрые брёвна.

Иногда люди ложились на них и, закатав рукава гимнастёрок, в стынущей воде искали скользкий, обжигающий руки трос. А выловив, снова кочевали к холодному берегу.

Было темно, в лицо людям дул холодный ветер норд-ост. Но он только сильнее раздувал Полярное сияние. Оно расплывалось над погружённой в ночь Арктикой и ярко озаряло всех — и полярников, плывших среди чёрных волн к берегу, и водолазов, спускающихся в холодную воду, и маленьких чукотских школьников в Ванкареме, на берегу Ледовитого океана, и Гену, радиста с мыса Санникова.

Сияние озаряло всех, кто сейчас в Арктике работал, строил, учился.

РОДНАЯ УЛИЦА

Далеко-далеко, у тёплого Азовского моря, есть маленький городок. Раньше он был гораздо больше, — шёл я через него долго-долго, и, пока добирался до школы, учитель порой спрашивал:

— Ты что ж это, брат, опаздываешь?

Портфель будто набухал, а я, тихо вздыхая, отвечал:

— Идти очень далеко!

Учитель удивлялся:

— Ну, брат, и выдумщик ты! Весь город перешагнуть можно.

Приехал я в родной город через несколько лет, вышел на проспект: дай, думаю, пройдуся. Шагнул через улицу, разогнался идти — а город уже весь за спиной! И всё как будто на месте, новых домов даже прибавилось, а город словно в узелок стянули. Акации я сажал когда-то — ох, сколько я деревьев тогда насадил! — а их вовсе немного.

Удивительно!

Встретил я как-то на улице своего учителя и говорю ему:

— Удивительное дело — город-то наш что-то совсем маленький стал.

А он посмотрел на меня внимательно и покачал седой головой:

— Нет, брат, просто ты сам вырос.

Потом похлопал сухонькой рукой по старому портфелю:

— Ну ладно, побегу, в школу опаздываю, — и грустно улыбнулся: — Что-то очень уж далеко ходить стало!

Проводил я его до школы, а оттуда иду и думаю: «Конечно, вырос!»

Когда мы плыли в Арктику, всё сначала было громадное и необычное: и снежные горы над Камчаткой, и ледяные крокодилы в океане. А когда пароход разгружали, так казалось, целый новый город здесь построят.

А сейчас идём обратно, стою я у борта, и мимо меня Чукотка, Камчатка проплывают. Горы — как горы, Чукотка — как Чукотка. Идёт «Игарка» будто по родной улице.

Вон вдали домики белеют, — мы их привезли. Совсем небольшие.

Заглядываю я в бегущую воду и думаю: «Наверное, опять вырос!»

Мы ещё увидимся, Арктика!

Вдруг сзади кто-то меня за плечо тронул. Повернулся — Гайдаевский.

Стоим мы рядом, на поручни налегли. Чувствую я его плечо, большое, твёрдое. Моё пока поменьше, да и послабее, наверное. Интересно, какими же Володе эти домики кажутся?

А он и сам говорит:

— Вон, смотри, наши дома стоят! Вже и люди живут. Дымки над кровлями. Наверное, там из нашей муки хлеб печуть и нас с тобой добром поминають. Поработали ж мы с тобой? Поработали!

Пригляделся я к берегу. Так это здесь мы ветряк ставили, здесь я тонул, а там, дальше, Юра-тракторист рукой мне махал... Там, кажется, и сейчас кто-то машет. Сказал я Володе, а он рукой по губе провёл и хмыкнул:

— Шось не вижу, — и добавил: — Но помахать нам, конечно, могут.

Тут рядом с нами кто-то ключами звякнул. Боцман. Опять в замасленной кепчонке, в фуфайке, банку с краской в руке держит.

— Ну что, пойдём к следующему рейсу готовиться?

...Колышутся за бортом моря, от солнца по иллюминаторам расплываются блики. Вожу я кистью по стенке, крашиваю, а сам всё весело на берег посматриваю.

Ведь это очень радостно чувствовать, особенно в первом плаванье, что и тебе вслед с берега, как с родной улицы, могут помахать рукой!

О Г Л А В Л Е Н И Е

Как не радоваться!.. . . .	3
Пароход, как хороший матрос	5
Нелегко	7
Тревога	10
Кто меня учит	12
Ночью	14
Камчатка	—
Первая вахта	16
Киты	18
Бухта Провидения	20
Арктические крокодилы	22
Ледокол	25
За работу	26
Первый трактор	28
В Нутепельмене	30
Юра-тракторист	33
Витька-ледокол	34
Там, где спасали челюскинцев	35
Как лучше греться	37
Мужичок с ноготок	38
Радиограмма	39
«Точку найдёте сами!»	41
Колумбы	43
Важный человек	45
Звезда над островом	47
Что кричали полярники	48
Тревожная ночь	51
Водолазы	53
Северное сияние	57
Родная улица	58

Рисунки А. Иткини

для младшего школьного возраста

Коржиков Виталий Титович

ПЕРВОЕ ПЛАВАНЬЕ

Новель

Ответственный редактор *С. Е. Миримский*

Художественный редактор *Н. З. Левинская*

Технические редакторы

В. К. Егорова и Р. Г. Грачева

Корректоры

А. И. Байнова и Э. С. Ульянова

Сдано в набор 21/III 1961 г. Подписано к пе-

чати 8/V 1961 г. Формат 65×90^{1/16}. 4 печ. л. 10

4,33 усл. печ. л. (3,38 уч.-изд. л.).

Тираж 215 000 экз. Цена 12 коп.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.

Москва, Сушевский вал, 49

Заказ № 538.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**

В 1961 году для школьников младшего возраста выходят в свет следующие книги:

Архангельский В.

ОСТРОВ АЛОЙ КЛЮКВЫ.

Рассказы о природе, о взрослых и детях, любящих и хорошо знающих свой край

Барышев М.

ВЫСТРЕЛ В КАМЫШАХ.

Сборник рассказов о ребятах, живущих в Средней Азии, на берегу высокогорного озера Иссык-Куль

Бахревский В.

МАЛЬЧИК С ВЕСЁЛОГО.

Повесть о семилетнем москвиче Славе Шалашове, в годы войны эвакуированном в сибирский посёлок

Казаков Ю.

ТРОПИКИ НА ПЕЧКЕ.

Маленькие рассказы из жизни лесников, охотников и рыбаков на Севере.

Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом «Книга — почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов. Можно также заказать книги и через отдел «Книга — почтой»: г. Москва, Б-120, ул. Чкалова, 48-б, магазин Москниготорга № 94.

на 12 коп.